

— Действительно ли было правильным не дожидаться ритуалиста?

Открыв тайный проход в стене за книжным шкафом в кабинете директора ритуального подразделения, Ходогора Арабиан повернула голову к капитану. Её чёрные конские уши дрожали от тревоги.

— Ты разве не знаешь, насколько медлительны ритуалисты? Чтобы догнать Листчеса Азари, мы должны действовать быстро.

Капитан данного отряда преследования, Песнелет Алауда, говорил с оттенком раздражения. Он являлся птицелюдом-жаворонком, поэтому отличался невысоким телосложением и округлым лицом, а по обеим сторонам его каштановых коротких волос торчали перистые уши того же цвета, с чёрно-бурыми штрихами по осям перьев — чертой, указывавшей на жаворонка.

Однако Песнелет не знал о жаворонках как таковых: эти птицы, привыкшие к просторам степей, не могли выживать в подземных городах. В них обитали только люди, насекомые и крысы.

Впрочем, в тайных ходах шпиневильского центрального отделения Инквизиции санитария поддерживалась прекрасно — ни крысы, ни насекомые не попадались. Когда отряд вошёл в туннель, Песнелет и Ходогора посмотрели на третьего спутника, всё ещё молчавшего.

— Кандис, — позвал Песнелет, — ты нашла его?

Третьим членом отряда являлась фигура в чёрном плаще, по которой нельзя было определить ни расу, ни пол. Типичный похоронщик.

Она не ответила словами — похоронщики никогда не разговаривали с живыми. Лишь едва заметно кивнула и двинулась вперёд.

Поняв, что она уловила след, Песнелет и Ходогора пошли за ней.

Листчес Азари использовал ритуал Инеевого Звонуврана, чтобы обмануть ритуал метки жизни. Подобное решение выглядело поистине изящно.

Но изящество держалось лишь на том, что никто не знал, каким именно способом он скрылся от слежки.

Стоило лишь разгадать метод Листчеса Азари — и на, казалось бы, безупречно чистом месте преступления проявлялись десятки следов.

К примеру, бывший директор обманул метку жизни одеянием мёртвого. Но именно потому, что он носил на себе столь сильный отпечаток смерти, те, кто лучше всех знали её запах — похоронщики, чья работа заключалась в том, чтобы снова убивать мертвецов, воскрешённых тёмным богом Падшем Небом, — могли легко уловить дух разложения и выследить, по какому из путей лисолюд ушёл.

Сейчас было то же самое: Кандис шла уверенно, даже у развилок не задерживалась — словно по полу тянулась незримая нить, видимая лишь ей одной.

Песнелет, имевший полный план всех туннелей центрального отделения, помечал маршрут на карте по мере продвижения. Высокородная конелюдка Ходогора держала щит и шла замыкающей, прикрывая тыл.

В подземном ходе горел яркий свет — в Инквизиции не существовало плохо освещённых мест. Их фигуры и напряжённые лица отражались в отполированных плитах пола. Некоторое время трое слышали только собственные шаги. Первым не выдержал этой зловещей тишины сам капитан.

— Скажи-ка, — заговорил он с Ходогорой, — ты бывала раньше в этих лазах под центральным отделением?

— А? Ну... — Ходогора попыталась вспомнить. — Когда я служила в тринадцатом филиале Инквизиции, старшие водили меня в наши подземные ходы. Формально это называлось тренировкой — привыкнуть к лазам, чтобы однажды, если понадобится, не заблудиться. Позже, когда меня перевели в центральное отделение, пришлось заучивать карты. Но вот сюда я так ни разу и не заходила.

Ведь в центральном отделении дел было в десятки раз больше, чем в прочих филиалах. Каждый день Ходогора работала до изнеможения и не имела ни малейшего желания тратить силы на прогулки по лазам.

— Вот как? — Песнелет убрал карту, достал три металлических шара размером с две фаланги и начал ловко перекатывать их в пальцах. — А я, напротив, пользовался подземными ходами центрального отделения не раз. Ведь лифты у нас всё время под наблюдением: если надо миновать глаза банд или культистов, приходится искать скрытые выходы.

Ходогора удивилась:

— Культисты? Они что же, так просто могут прямо на площади у лифтов следить за нами?

— А разве у культистов написано на лбу, что они культисты? — скривился Песнелет. — Захочет какой-нибудь бездельник торчать на площади весь день — мы ведь ничего не сможем ему предъявить.

— Да? — Ходогора изумилась ещё сильнее. — Но такое поведение же крайне подозрительно! Если кто-то целый день ошивается на площади, мы что, действительно ничего не можем с ним сделать?

— Ну, не совсем так, — пояснил Песнелет. — Мы можем отмечать тех, кто часто попадает на глаза, пробивать их через архивы, выявлять связи. Порой так удаётся легко выследить парочку «волков», что прикидываются «овцами». А даже если уж ничего накапать не получится, то такого всё равно можно внести в список наблюдения. Тогда при малейших странностях мы получим право следить за ним уже официально.

— Понятно, — Ходогора выдохнула с облегчением. — Значит, всё-таки есть меры.

«Наивная», — подумал Песнелет.

Их маленький отряд не казался совсем уж случайно собранным: Песнелет и Кандис работали вместе несколько лет и прекрасно понимали друг друга. Но пару недель назад их кровеплотяной целитель погиб, и им пришлось уйти в вынужденный отпуск.

Именно из-за этого, пока другие отряды занимались охраной центрального отделения, их двоих без целителя не нагружали особыми заданиями. И лишь теперь, когда понадобились сильные бойцы со следопытскими навыками, их вызвали, чтобы выследить Листчеса Азари.

В отряде не могло не быть врача, и поэтому Ходогора Арабиан временно присоединилась к команде.

Но она являлась не кровеплотяным целителем, а рыцарем крови.

Хотя обе силы даровались Матерью Первозданной Крови, уже по названиям становилось видно: кровеплотяной целитель специализировался на лечении, а рыцарь крови был бойцом и занимался лечением лишь попутно.

К тому же Ходогора только в этом году закончила школу инквизиторов, для неё всё казалось новым.

Песнелет Алауда признавал, что она — гений, раз в столь юные годы смогла стать служителем среднего ранга. Но её простодушный характер и недостаток опыта означали, что для притирки потребуется больше времени.

«Посмотрим, как она себя проявит в бою», — решил Песнелет, наблюдая за ней, а затем вдруг произнёс:

— Стойте.

И Кандис, шедшая впереди, и Ходогора, шагавшая позади, без колебаний остановились.

Они оказались у очередной развилки. При ярком свете ламп этот перекрёсток ничем не выделялся.

— Неправильно, — сказал Песнелет. — Согласно карте, здесь не должно быть развилки.

Не сверяясь с картой на протяжении всего пути, он всё же обнаружил это несоответствие. Ходогора за его спиной посмотрела на него с уважением.

Помимо своего нового капитана, она встречала человека с такой памятью только однажды.

Песнелет не подозревал, о ком он заставил её вспомнить, и спросил сопровождавшую их похоронщицу:

— Кандис, ты уверена, что след Листчеса Азари всё ещё ясен?

Кандис лишь слегка кивнула. Она вовсе не смотрела на дорогу, а следовала исключительно за отпечатком смерти в подземном ходе.

— В подразделении логистики не впервые допускают ошибки, но не думаю, что на этот раз они могли дать неверную карту, — Песнелет снова достал карту и, даже не взглянув, протянул её Ходогоре, явно уверенный в своей памяти. — Это с нашим путём что-то не так... Не заклинание закрытия ощущений, а ритуал закрытия ощущений.

Заклинание закрытия ощущений являлось магией, в которой особенно преуспевали служители Мастера Адгезии. Оно влияло на чувства всех живых существ в пределах определённой зоны, из-за чего попавшие под его эффект не могли покинуть очерченные границы.

Ритуал закрытия ощущений действовал аналогично, но, в зависимости от размеров ритуального круга, охватывал разные площади, и обычно его зона воздействия была шире, чем у заклинания.

Сейчас троица Песнелета явно оказалась под влиянием такого ритуала и, вероятно, уже сбилась с нужного направления.

Согласно правилам, в подземных ходах запрещалось хранить какие-либо вещи, а уж тем более устанавливать ритуалы.

Единственным подозреваемым в нарушении правил и установке ритуала здесь был Листчес Азари.

— Значит, мы на верном пути, — Песнелет не пал духом, хотя и оказался в ловушке. Он бросил три металлических шара.

Шары полетели по параболе. В воздухе они преобразились, раздулись, отрастили по шесть ног и по две руки.

Три машины, похожие на пауков... вернее, три механических пауков размером с тазики, тяжело, но без вреда для плиточного пола, приземлились на свои «лапки».

— Ритуал закрытия ощущений действует только на живых, — сказал Песнелет (который являлся служителем-механиком), управляя ими. — Сначала пойдём за ними, выйдем за пределы действия.

Один механический паук забрался по стене и пошёл по потолку, другой двинулся рядом с Песнелетом, третий покатился вперёд на колёсах. Троица последовала за ними. Даже когда один паук растворился в стене, они невозмутимо пошли следом.

И действительно, стена оказалась лишь иллюзией, созданной искажёнными чувствами. Пройдя сквозь неё, они очутились в другом коридоре.

Тут же возникла вторая иллюзия. Они поступили тем же образом, но при проходе сквозь команда ощутила, как их ступни проваливаются в мягкий песок.

Он легко поддавался вниз, но вытащить ноги оказалось тяжелее, чем вырвать их из стали. Песок стремительно принялся поглощать своих жертв, и всего за несколько секунд они увязли по пояс.

При этом их зрение всё ещё показывало обычный плиточный коридор.

Песнелет нахмурился, осознав, что это, скорее всего, комбинированный ритуал.

«Если тот, кто попал в область ритуала закрытия ощущений, находит верный путь, то активируется другой ритуал? Это... заклинание элементариста, преобразующее камень и грязь? Впервые встречаю такую комбинацию...»

Прежде у Песнелета не было опыта сражения против ритуалистов: ведь по-настоящему учёные ритуалисты почти всегда работали официально, а культы тёмных богов не имели средств для их обучения.

Он знал, что ритуалисты крайне универсальны в качестве поддержки, но только сейчас по-настоящему ощутил, что значила эта универсальность.

Ритуалы ритуалистов в большинстве случаев представляли собой воспроизведение заклинаний разных сил служителей.

Именно потому, что они не были настоящими служителями, ритуалисты могли через ритуалы использовать заклинания любых направлений.

Хотя это требовало времени, материалов, ритуального круга и чтения молитвы.

«Неприятно», — подумал Песнелет, оглядываясь. Под влиянием ритуала он не мог определить точные границы зыбкой трясины.

Даже если бы он достал дрон, чтобы поднять их вверх... узкие подземные коридоры всё равно не позволили бы тому взлететь.

Он обдумывал, какие ещё механизмы мог использовать, когда внезапно всё изменилось: перед глазами пейзаж со вспышкой сменился, чувства прояснились, и спрятанная ритуалом закрытия ощущений трясина предстала в истинном виде.

На краю зыбких песков стояла худощавая фигура.

То был мужчина, одетый так же, как и они, в стандартное чёрное пальто инквизитора. В левой руке он держал чемодан, а в правой — книгу в твёрдом переплёте.

Его доходящие до плеч волосы были растрёпаны, глаза закрывала белая повязка, а губы казались слишком бледными. Он многозначительно спросил:

— Действительно ли было правильным не дожидаться ритуалиста?

<http://bllate.org/book/12612/1119965>